

Виктор Шнирельман

(Москва, Россия)

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

Центр этнополитических исследований, Институт этнологии и антропологии РАН

E-mail: shnirv@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8469-6583

Страх или убеждение? Как и почему становятся антисемитами¹

Аннотация: Как, в какой обстановке человек начинает испытывать ксенофобские чувства, в том числе антисемитизм? Следует ли искать корни этого в семейных традициях, в детской дворовой или школьной среде, в чтении соответствующей литературы, во влиянии взрослых наставников, встреченных на жизненном пути, в идейных поисках и стремлении осмыслить окружающую действительность, в определенных контекстах социального общения или пережитых травматических обстоятельствах?

Объектами моего анализа являются люди, зарекомендовавшие себя своими многолетними пространными антисемитскими публикациями. Все они – интеллектуалы, в свое время получившие полное или незаконченное вузовское образование. По этим данным вырисовываются два типажа и две линии, ведущие к антисемитизму. Очевидно, следует различать идеологических антисемитов, перешедших на эту позицию в результате своего жизненного опыта и интеллектуальных размышлений, и почвеннических антисемитов, получивших индоктринацию в своей семье. Первые шли от разума, вторые начали свой путь, опираясь на эмоции. Биографии первых показывают, что в молодости они не раз меняли свою позицию, свое отношение к религии и внешнему миру и свои политические взгляды. Вторые впитывали антисемитские чувства от старших родственников – родителей или дедушек и бабушек. В детские годы они слышали соответствующие разговоры, наблюдали за реакцией или за поступками старших в соответствующих ситуациях. Позднее на это наслаивалась новая информация, которую они тщательно отбирали, стремясь, чтобы она соответствовала их уже сложившимся убеждениям.

Ключевые слова: евреи, антисемитизм, ксенофобия, национализм, сионизм.

DOI: 10.31168/2658-3364.2023.1-2.04

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ No 23-28-00796 «Каталог текстов и сюжетов о Холокосте (на материалах экспедиций, соцмедиа и СМИ)», <https://rscf.ru/project/23-28-00796/>.

Идеологическая позиция не является прирожденным свойством человека. Она формируется в процессе социализации. Правомерен вопрос: как, в какой обстановке человек начинает испытывать ксенофобские чувства, в том числе антисемитизм? Следует ли искать корни этого в семейных традициях, в детской дворовой или школьной среде, в чтении соответствующей литературы, во влиянии взрослых наставников, встреченных на жизненном пути, в самостоятельных идейных поисках и стремлении осмыслить окружающую действительность, в определенных контекстах социального общения или пережитых травматических обстоятельствах? Чем вызываются антисемитские чувства – страхом перед могуществом евреев или верой в их «порочную натуру»? Какие источники можно привлекать для изучения этой весьма чувствительной и щепетильной проблемы?

Обычно социологи полагаются на массовые опросы, дающие общее представление об уровне ксенофобии, но такие опросы не позволяют ответить на поставленные выше вопросы. Иногда социологи и культурные антропологи берут глубинные интервью и наблюдают за особенностями общения радикалов, анализируя содержание их бесед. Однако и это не всегда позволяет всесторонне осветить поднятую здесь тему. Кроме того, известные радикальные лидеры и идеологи вряд ли согласятся искренне ответить на предложенные здесь вопросы. А с людьми, известными им как свои критики, они и вовсе откажутся разговаривать.

Положение спасает то, что в последние 15–20 лет некоторые из людей, давно известных своим агрессивно недоброжелательным отношением к евреям, опубликовали свои пространные воспоминания или автобиографии, анализ которых дает ключ к обсуждению поставленных вопросов.

До сих пор для анализа поставленных проблем социологи обращались к изучению молодых ультраправых и скинхедов и имели дело с представителями низовой субкультуры, но объектом моего исследования были духовные лидеры и пропагандисты, т.е. элита. Поэтому наши выводы оказываются различными. В первом случае было установлено, что молодые люди шли в движение, желая преодолеть чувство одиночества и влиться в состав солидарной группы, способной оказать им поддержку. Идеология не играла для них большой роли [Ezekiel 1995; 2002; Pilkington, Omel'chenko, Garifzianova 2010]². Кстати, это свойственно и религиозным неوفитам [Шнирельман 2015, 114].

Совсем иным было настроение рассмотренных мною лидеров, обладавших развитым интеллектом и пытавшихся разобраться в сложных проблемах социального бытия, хотя и не имевших для этого необхо-

² Это подтвердили и российские журналисты, хорошо знающие эту среду [Никитин 2021; Литой 2021].

димых навыков. Все они – интеллектуалы, в свое время получившие полное или незаконченное вузовское образование. По проанализированным мною данным вырисовываются два типажа и две линии, ведущие к антисемитизму. Очевидно, следует различать почвеннических антисемитов, получивших индоктринацию в своей семье, и идеологических антисемитов, перешедших на антисемитскую позицию в результате своего жизненного опыта и интеллектуальных размышлений. Первые начали свой путь, опираясь на эмоции, вторые шли от рассудочных представлений. Первые впитывали антисемитские чувства от старших родственников – родителей или дедушек и бабушек. В детские годы они слышали ксенофобские реплики, разговоры и рассуждения, наблюдали за реакцией или за поступками старших в соответствующих ситуациях. Позднее на это наслаивалась новая информация, которую они тщательно отбирали, стремясь, чтобы она соответствовала их уже сложившимся убеждениям. Биографии вторых показывают, что в молодости они не раз меняли свою позицию, свое отношение к религии и внешнему миру и свои политические взгляды.

О.А. Платонов

Экономист О.А. Платонов, бывший активист московского отделения ВООПИК и член «Русской партии», гордится своими предками: по матери – старообрядцами, поселившимися в Саратовской губернии в XVII в. По его словам, он получил свои консервативные настроения от прадеда, который терпеть не мог либерализма, связывая его с евреями, якобы желавшими с его помощью захватить власть над миром [Платонов 2012, 212]. При этом прадед считал либерализм «убежищем негодяев и преступников» и с одобрением встретил казнь народовольцев. Платонов отмечает, что эти взгляды унаследовали его дед и отец, на что, в особенности, повлияла гибель прадеда и прабабки в годы Гражданской войны, когда все их богатое имущество было конфисковано. Платонов винит в этом сотрудников ЧК, подчеркивая, что те были евреями, но признается, что это – лишь его догадки, не подкрепленные твердыми фактами [Платонов 2012, 213]. После войны дед и бабка со своими детьми поселились в Баковке, где во второй половине 1940-х гг. (т.е. в годы всплеска антисемитских настроений) ходили слухи о даче наркома финансов Г.Я. Сокольникова как месте всевозможных заговоров и пьяных оргий.

Повествуя об этих слухах, Платонов не упускает случая обвинить Сокольникова в связях с масонами и германской разведкой с целью совершения переворота, результатом которого «должна была стать передача всей русской промышленности и торговли в руки еврейских

капиталистов и установление абсолютной диктатуры еврейских большевиков» [Платонов 2012, 217]. Здесь рассудок Платонову отказывает, и никаких противоречий в этих фантазиях он не видит³. Он подчеркивает, что, поселившись в маленьком домике, дед с бабкой нашли там много сочинений «еврейских большевиков», «палачей русского народа», и тут же сожгли их в печи, тем самым «очистившись от скверны» [Платонов 2012, 218].

Отцовские предки Платонова происходили из Вязниковского уезда Владимирской губернии, где евреев тоже не жаловали. По его словам, «главным врагом русских в православном сознании моих предков (сужу по высказываниям моих бабушки и деда) были “жиды”». В этой глубоко православной семье к евреям относились враждебно и, руководствуясь Библией, считали их «богоубийцами» [Платонов 2012, 220]. Эта зажиточная семья тоже была разорена большевиками, которые обрекли ее членов на скитания, и эта травма надолго осталась в ее памяти и передалась детям. Такие настроения и окружали Платонова с самого раннего детства. Причем, по его словам, «бабушке Поле нравилось, что Сталин уничтожил всю верхушку еврейских большевиков». Ведь, по мнению семьи, «Сталин проводит реорганизацию государственного аппарата на основе восстановления его преемственности с дореволюционной Россией, осуществляет национальную реформу государственной сферы, вытеснив из нее космополитические кадры, порожденные еврейским большевизмом, производит “чистку” среди своих прежних соратников по большевизму, полностью порвав со своим преступным революционным прошлым, подготавливает новую государственную элиту, в основном из русских людей» [Платонов 2012, 227].

Такие настроения и окружали Платонова в семье, которая переехала в Свердловск, где он и родился в 1950 г. Там эти настроения получили новую пищу, будучи подкреплены рассказами об убийстве царской семьи в доме Ипатьева. Причем, по словам Платонова, тон в городе задавали большевики-евреи, гордившиеся своим участием в этом убийстве. Там также ходили слухи о злодеяниях евреев и о масонских ложах, и «тьнь ритуальных преступлений витала над городом». Он подчеркивает, что «неистребимый дух еврейских большевиков отравлял жизнь моих родителей» [Платонов 2012, 228–229]. Причем все эти рассуждения явно были навеяны более поздним общением с родителями или размышлениями самого Платонова в более зрелом возрасте, так как в 1954 г. семья из города уехала, и он признается, что «Екатеринбург я почти не запомнил» [Платонов 2012, 231].

³ Здесь воспроизводится типичный конспирологический аргумент, объединяющий банкиров с коммунистами в рамках единого заговора. Этот аргумент был популярен в позднесталинскую эпоху и в начале 1950-х гг., когда и проходило детство Платонова [Добренко 2020, 363–365].

В 1958 г. семья вернулась в Москву, но, как оказалось, их бывшая комната в коммунальной квартире уже была занята евреем Нудельманом, родственником зав. отделом Минлесбумпрома, где работал отец Платонова. Поэтому им пришлось поселиться вместе с бабушкой в ее доме в Одинцово. Но злоключения семьи на этом не закончились. В Минлесбумпроме обещанной квартиры отцу не дали, и тот снова винил в этом евреев. Ему пришлось сменить работу и ради получения квартиры надолго уехать в командировку. А мать с сыном переехала к ее родителям в Баковку. Там Платонову и довелось впервые напрямую столкнуться с еврейской темой, вбившей клин между ним и бывшим приятелем, причем объяснение слова «жид», популярного тогда в детской среде, он впервые услышал от бабушки, убедившей его в том, что это – «плохие люди» и от них надо держаться подальше. Действительно, по его словам, такие его детские знакомые выросли в фарцовщиков и спекулянтов, которых окружающие не жаловали [Платонов 2012, 234–237]. Других евреев Платонов, похоже, не знал. А о «зверствах еврейских большевиков» он в раннем возрасте узнавал из бесед бабушки Поли с его отцом [Платонов 2012, 293–300].

Причем Платонов следовал двойным стандартам: если евреев он обвинял в цинизме, беспринципности и двуличии, то поступок его отца, который, несмотря на свои антикоммунистические взгляды, согласился ради получения квартиры стать секретарем парткома института, не вызвал у него никакого осуждения и протеста [Платонов 2012, 237].

Итогом стал нездоровый интерес Платонова к «еврейскому вопросу», окрашенный презрением и ненавистью к евреям. Судя по его воспоминаниям, вся его жизнь состояла из стычек с ними, начиная с драки в пионерском лагере под Одессой [Платонов 2012, 242] и до бесконечных обвинений «евреев-большевиков» в чудовищных преступлениях (разгроме Училища живописи в «доме Юшкова» и помещении там первого в СССР атомного реактора) [Платонов 2012, 244–245], осуждения «еврейских поэтов» и «сионистских сборищ» на частных квартирах [Платонов 2012, 250–252, 255–256], неприятия оттепели как попытки реванша «деятелей либерально-масонской идеологии», которые тоже сплошь оказывались евреями [Платонов 2012, 254]. Разумеется, он с ненавистью относился к известным бардам (Б. Окуджаве, А. Галичу, В. Высоцкому и пр.), а также к гремевшим в те годы историкам (Н. Эйдельман) и писателям (С. Рассадин), оскорблявшим его «патриотические чувства» [Платонов 2012, 255–257]. Зато его кумирами стали И.С. Глазунов, М.П. Лобанов и В.А. Солоухин. В 1968 г. отец познакомил его с известной антисемитской книгой И.М. Шевцова «Тля»⁴, которую он принял с восторгом, сочтя автора «великим русским патриотом» [Платонов 2012, 260–261].

---

⁴ О ней см.: [Добренко 2020, 328–378].

Очевидно, в общении с евреями Платонову трудно было скрывать свои взгляды, и они это чувствовали. Ведь, по его собственному признанию, у него еще в отрочестве сложилось «первое понимание еврейского вопроса», что, в частности, соответствовало его «горячей увлеченности русской историей» [Платонов 2012, 243]. Стоит ли удивляться тому, что, как он упоминает, в средней школе учителя-евреи относились к нему с «настороженной неприязнью» [Платонов 2012, 241, 243–244]? А в ранней молодости к этому добавился и его жадный интерес к масонской тематике, расширившей его представления о «врагах России» [Платонов 2012, 246–247]. По его признанию, «почти физически я начинал осознавать, что чистые, светлые силы бытия подвергаются атаке темных, страшных чудовищ, ненавидящих любимые мною храмы и саму Россию» [Платонов 2012, 247]. К таким силам он, в частности, причислял «архитекторов-космополитов», менявших облик Москвы в 1960-х гг. Осуждал он и противников ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г., видя в них также евреев [Платонов 2012, 254].

К концу 1960-х гг. его позиция полностью сложилась, и он тогда начал посещать заседания ВООПИК, где его познакомили с антисемитскими произведениями [Платонов 2012, 263–264]. Затем, поступив в Московский кооперативный институт, он тут же нашел себе наставников-антисемитов, охотно продолживших его воспитание в том же духе [Платонов 2012, 267–270]. Так уже в возрасте 20 лет он стал заправским антисемитом, рассматривавшим как историю России, так и ее современность как бесконечную борьбу евреев с русским народом. По окончании института в 1972 г. он поступил в Центральное статистическое управление СССР, где вскоре обнаружил «заговор сионистов», фальсифицировавших статистические показатели [Платонов 2012, 283–285]. Проработав там четыре года, он начал искать другую работу, но посетив несколько ведущих НИИ по своему профилю, снова нашел там «засилье евреев». В результате он устроился в Институт труда, но и там обнаружил «сионистское подполье», которое ему мешало [Платонов 2012, 319–323]. Во второй половине 1980-х гг. все это привело его в общество православных монархистов [Платонов 2012, 509–510, 514].

В.К. Демин

В.К. Демин, будущий активный деятель православного монархического движения и постоянный автор радикальной газеты «Земщина», с лютой ненавистью отзывавшийся об СССР как о «нерусской инородной антихристианской империи, где царили ложь и насилие», безоговорочно отождествлял большевиков с «иудеями» и не без сарказма отмечал, что эмигранты называли эту страну «советской Иудеей» [Демин

2007, Этап 1, 1]. Он родился в 1960 г. на московской окраине в семье фронтовиков, с гордостью носивших свои ордена. Его детство прошло в типичной советской коммуналке, о которой он впоследствии не мог вспоминать без содрогания. Родители образованием не отличались, да и сам Демин усидчивостью в школе не блистал, и его воспоминания пестрят орфографическими ошибками.

Похоже, с антисемитизмом он впервые встретился в семье – по его словам, отец вернулся с фронта человеком, у которого советский интернационализм сочетался с бытовым антисемитизмом. И этими чувствами он свободно делился со своим малолетним сыном [Демин 2007, Этап 1, 20–21, 36]. Не скрывает Демин и того факта, что, благодаря советским военным фильмам он из духа противоречия с ранних лет обнаружил тягу к «истинному фашизму» – ему нравилась форма и выправка германских офицеров, он любил играть в гестапо [Демин 2007, Этап 1, 29].

Рассказывая о своем детстве, Демин не скрывает, что унаследовал от отца жадность и воровские повадки, но если он осуждал это в «евреях», то в отношении себя считал домовитостью и похвальной заботой о семье [Демин 2007, Этап 1, 36]. В подростковом возрасте он, по его собственным воспоминаниям, не гнушался и фарцовки [Демин 2007, Этап 1, 26], которую Платонов презирал как исключительно «еврейский бизнес». То же самое можно сказать и об отвращении Демина к физическому труду и его садистских наклонностях в обращении с животными [Демин 2007, Этап 1, 36–37]. Иными словами, эти деятели отличались двоемыслием и двойными стандартами, что присуще ксенофобам.

В 1976 г. Демин познакомился и подружился с другим будущим монархистом, А. Широпаевым. Тот в отличие от него происходил из интеллигентной семьи и был более образован. Тогда они увлекались Остапом Бендером, созданным гением еврейских писателей и, как признается Демин, еще не осознавали, что это было «не что иное, как циничное глумление и свистопляска на костях и крови поверженного русского народа», что было «грешно и кощунственно» [Демин 2007, Этап 2, 7]. В те годы эти юные бунтари-романтики, мечтавшие изменить к лучшему затхлую советскую действительность, вели бессистемные поиски новых идей, сочетавших, по Демину, «футуристические, и имажинистские, и анархистские и прочие эгоцентрические идеи, и раннее христианство, и язычество, и богоискательство, и революционное декадентство, и средневековый романтизм, и постмодернизм, и восточные философии, и мистику, и оккультизм, и даже причудливые идеи русского национализма, и разумеется некий “истинный” (утопический) коммунизм» [Демин 2007, Этап 2, 9]. Их протест был вначале не социальным, а эстетическим, в чем они, по сути, повторяли опыт раннего итальянского фашизма Г. д’Аннунцио и Ф. Маринетти. И не случайно, будучи приверженцами символизма, они выбрали своим

символом «славянский свастический знак солнца», еще не понимая, что, как отмечает Демин, речь шла о «древнем арийском старорусском коловрате» [Демин 2007, Этап 2, 11–12]. Даже знакомиться к хиппарям Демин ходил в традиционной русской одежде (в рубахе-косоворотке и лаптях) с изображением свастики на груди. Тогда друзья вовсе не связывали это с национализмом, да и существующая власть их вполне устраивала.

Начав в 1977 г. работать декоратором в живописной мастерской киностудии «Мосфильм», Демин вначале судил о евреях с социально-классовых позиций: он видел на киностудии только «две неравных группы, первая творческо-административная группа (эти господа были преимущественно евреями), вторая рабоче-крестьянская обслуживающая группа (эти работники были в основном русского происхождения)» [Демин 2007, Этап 2, 25]. Первые его раздражали своим более высоким статусом, что и будило в нем бытовой антисемитизм. Тогда ему посчастливилось участвовать в съемках фильма «Бархатный сезон» и даже сыграть там одного из фашистов. Ему эта роль очень понравилась, и он признавался: «видимо, фашист сидел во мне от рождения, потому что я вел себя как настоящий заправский вояка без лишних сантиментов» [Демин 2007, Этап 2, 28].

В те годы его увлекали писатели-деревенщики, а также живопись Константина Васильева и Ильи Глазунова, хотя он все еще считал себя интернационалистом. В 1978 г. ему довелось посмотреть фильм «Евангелие от Матфея» итальянского режиссёра Пазолини, и это произвело переворот в его душе и вызвало у него благоговение перед Христом. Это даже потеснило в нем интерес к сатанизму и йоге, которые были тогда в моде в кругах творческой интеллигенции. Впрочем, посмотрев фильм «Воспоминание о будущем», он решил, что Христос был космическим пришельцем [Демин 2007, Этап 2, 38–40]. Но уже год спустя он на время стал толстовцем и старался понять Евангелие в духе Льва Толстого.

На рубеже 1979–1980 гг. он на общей почве противостояния советской власти даже сошелся с евреем-сионистом, пытавшимся увлечь его на путь экуменизма [Демин 2007, Этап 3, 12–13]. И лишь много позже он понял, что «жид – это обычный видимый бес, исполняющий волю отца своего дьявола, бес в человеческом облике, задача которого увлечь и запутать человека в грехах в сладострастии и в гордости ума, направляя душу человека в погибель» [Демин 2007, Этап 3, 12]. Весной 1980 г. он впервые посетил Троице-Сергиеву Лавру, встретив там среди посетителей двух «русских фашистов», заронивших в его душу некоторые сомнения относительно тех идей, которых он тогда придерживался [Демин 2007, Этап 3, 15].

В 1982 г. Демин женился на девушке, чей отец был евреем. Их брак длился шесть лет, и он очень хорошо о ней отзывался. Тогда, несмотря на свои «национально-радикальные наклонности», Демин охотно посещал собрания «еврейско-диссидентской публики». Тогда он еще уважал евреев за их революционность и не одобрял антисемитизм [Демин 2007, Этап 5, 9]. Став на время социал-демократом, близким по духу меньшевикам, он пытался разработать теорию новой революции. Он даже создал тайную политическую партию, но дальше слов и лозунгов дело не пошло [Демин 2007, Этап 4].

Все кончилось тем, что осенью 1984 г. это раскрылось, и на даче Демина был произведен обыск, хотя тогда он избежал ареста. Но в декабре он все-таки был арестован и помещен в Лефортовскую тюрьму. А летом 1985 г. по суду он был приговорен к пяти годам ссылки в Кзыл-Ордынскую область в Казахстане [Демин 2007, Этап 5, 10–40]. Там он отбросил весь свой былой марксизм и стал носить православный крест, подчеркивая свое отличие от «туземцев». Причем в тюрьме он осознал, что свобода, равенство и братство были для русских «чуждыми иудео-масонскими идеалами» [Демин 2007, Этап 5, 20]. В Казахстане он внимательно изучал «Дневник писателя» Достоевского [Демин 2007, Этап 7, 27].

Характерны ответы Демина на анкету в Институте Сербского, где он побывал в начале 1984 г.:

Вопрос. Верите ли вы в равенство? Ответ. Не верю в равные способности человека и в равенство полов, а также в равенство неравномерно развивающихся народов.

Вопрос. Испытывали вы когда-либо неприязнь к людям другой расы, другой национальности? Ответ. Испытывал и не раз.

Вопрос. Какие народы вам приятны и какие нет? Ответ. Приятны русские, евреи, немцы, англичане, французы. Неприятны все народы тюркского происхождения, кроме китайцев, японцев и американских индейцев [Демин 2007, Этап 6, 23, 25].

Следовательно, уже будучи ксенофобом, тогда он относился к евреям вполне терпимо. Действительно, в те годы он дружил с художником А. Лифшицем и вел с ним переписку, которая его поддерживала. И позднее, проявляя враждебные чувства к евреям, он испытывал к Лифшицу благодарность, называя его исключением из правила. Ведь, по его мнению, евреям было несвойственно «сопереживать, выслушивать и помогать как словами, так и делами» [Демин 2007, Этап 6, 11–12]. А по возвращении из ссылки в 1987 г. он дружил с актером Михаилом Крыловым, чей отец был евреем, а мать – немкой.

В Казахстане в 1986 г. у Демина вырос интерес к христианству, причем его особенно интересовали предсказания о кончине мира [Демин 2007, Этап 6, 40]. А новый интерес к политике, русской идее и «жидо-масонскому заговору» у него пробудил Широпаев, с которым они возобновили знакомство в 1987 г. и который был тогда увлечен работами советских борцов с «международным сионизмом». Впрочем, по словам Демина, вначале все это ему претило, в частности, потому, что именно друзья-евреи поддерживали его в ссылке [Демин 2007, Этап 7, 10–12].

Но постепенно взгляды его менялись, и, по его словам, новый этап начался с картины «Русская Голгофа», на которой он изобразил убийство царской семьи с явной симпатией к жертвам расстрела. Причем там он впервые в своей практике открыто нарисовал четырехлучевую свастику [Демин 2007, Этап 7, 16]. С тех пор он не расставался с этим любимившимся ему символом. И когда в 1989 г. он вел кампанию за канонизацию царской семьи, с ним всегда было большое черное знамя с восьмиконечным крестом и надписью: «Мы русские – с нами Бог!» [Демин 2007, Этап 8, 38]. Восьмиконечный крест был ничем иным как восьмилучевой свастикой.

С начала 1988 г. он вместе с Широпаевым уже посещал разнообразные патриотические тусовки, включая заседания общества «Память» и московского отделения ВООПИК [Демин 2007, Этап 7, 25]. В это время он, по его словам, и становился «православным христианином реакционной контрреволюционно-белогвардейской направленности» [Демин 2007, Этап 7, 27]. Тогда-то он и прочитал «Протоколы сионских мудрецов», помещенные в книге С. Нилуса, и это перевернуло его сознание – он наконец-то понял смысл происходящих в мире событий. Он уяснил, кто именно является «врагом рода человеческого», с кем надо вести непримиримую борьбу и кто хочет восстановить Иерусалимский храм. Разумеется, за этим скрывались «международный кагал» и «талмудизм с иудаизмом». Тогда он начал запоем читать монархическую литературу, которая имела у его знакомого В. Кузнецова, в чьем доме он неоднократно встречал разнообразных священников и монахов, включая приезжих из зарубежья, и вел с ними беседы. Многие ему рассказывал сам Кузнецов, начитанный и хорошо осведомленный в церковных делах. Правда, по словам Демина, все это не сделало его антисемитом [Демин 2007, Этап 7, 27–30; Этап 8, 1–2], и это говорит лишь о своеобразии мировоззрения антисемитов. Впрочем, не жаловал он и официальную иерархию РПЦ МП, считая ее «чужеродно-инородной и лжехристианской» [Демин 2007, Этап 7, 34].

Впрочем, по его словам, в 1988 г. он еще «не понимал, что на обломках Российской Империи некогда захватившие власть жидо-коммунисты построили свое собственное национально-религиозное еврейское государство, которое русские эмигранты справедливо называли

советской Иудеей или Хазарией» [Демин 2007, Этап 7, 38–39]. Но прошло немного времени, и он осознал, что история России XX в. была борьбой христиан против «иудейско-сатанинской власти», причем это была «религиозно-расовая война» [Демин 2007, Этап 7, 39]. В 1988 г. он наконец воцерковился и окончательно слился с мракобесной тусовкой, с тех пор регулярно выступавшей за Святую Русь и против «сатанизма». Теперь его сверхидеей стала канонизация царской семьи. Вначале они делали это вдвоем с Широпаевым, но постепенно у них появлялись единомышленники [Демин 2007, Этап 7, 44–48]. В частности, Демин нашел себе наставника в лице священника Дм. Дудко, к которому тогда тянулись и патриоты, и либералы, причем среди последних было немало евреев.

Примечательно, что когда того попросили высказать свое мнение о «Протоколах» и антисемитизме, он ушел от прямого ответа и предложил Демину подготовить реферат на эту тему [Демин 2007, Этап 8, 5]. Тот взялся за это со всей присущей ему необузданной энергией. Впрочем, оригинальностью егоopus не отличался. Простудировав доступную ему богословскую и святоотеческую литературу, он в очередной раз обвинил евреев в том, что они не приняли Христа, отпали от Бога, были им оставлены и превратились в «сынов дьявола». Иными словами, его антисемитизм был книжным, навязанным традиционной христианской юдофобией. Правда, строгие богословские каноны его тяготили, и он обогатил их высказываниями Достоевского о «русском народе-богоносце». Он свято верил в то, что под руководством «сионских мудрецов» иудеи не только совершили «богоубийство», но занимались идолопоклонством и до сих пор совершают кровавые ритуальные жертвоприношения. При этом реальная история евреев его не интересовала, и он искренне верил фантазиям, почерпнутым из антисемитской литературы, включая прежде всего пресловутые «Протоколы сионских мудрецов». Примечательно также, что львиная доля его реферата приходилась на рассуждения об истории «Протоколов» и их истинности, а не на обсуждение «еврейского вопроса» [Демин 2007, Этап 8, 5–30]. Демин понимал взрывоопасную социальную роль своего выступления и признавался, что результатом для него было «клеймо фашиста». Зато он и его друзья были приглашены в члены Христианского Патриотического Союза (ХПС) В. Осипова (в январе 1990 г. он был переименован в Союз «Христианское возрождение»). По словам Демина, именно они внесли туда новую струю – «имперскую, великодержавную и жидобойную» [Демин 2007, Этап 8, 34].

К этому времени он полностью сдвинулся к «национально-расовому мировоззрению», чему способствовали и некоторые бытовые происшествия. Так, он вспоминает, что после землетрясения в Спитаке в декабре 1988 г. он с присущей ему энергией принялся собирать средства

для отправки в Армению, но был ограблен кавказцами на Рижском рынке, и это навсегда отвратило его от интернационализма [Демин 2007, Этап 8, 34–35]. Эссенциалистская персонификация нации делала свое дело.

Примечательно, что разногласия с русскими друзьями и знакомыми вовсе не порождали в нем антирусских настроений. Зато с тех пор его путеводной звездой стал воинствующий антикоммунизм крайне правого толка, воинов которого он находил в эмиграции [Демин 2007, Этап 8, 37–38]. Теперь его волновало прежде всего спасение России от «внутренних врагов, слуг дьявола». Россию он воспринимал как великомученицу, повторившую путь Христа на Голгофу [Демин 2007, Этап 8, 40–41]. И он выбрал себе лозунг: «Вперед к России допетровских времен!» [Демин 2007, Этап 8, 43]. Он вспоминает вечер памяти императора и царской семьи 8 октября 1989 г., когда обсуждались детали царубийства и были открыто названы имена всех убийц, оказавшиеся «еврейскими» [Демин 2007, Этап 8, 45–46]⁵. Так вопросу об убийстве царской семьи было суждено стать тесно сплетенным с антисемитизмом. Вот каким образом, по признанию Демина, он встал на «путь борьбы с новым мировым порядком и жидами-оккупантами, которые поработили ... родину» [Демин 2007, Этап 8, 77]. Остается добавить, что бурная жизнь Демина в России закончилась в 2017 г., когда он перебрался в США.

В.Н. Осипов

В.Н. Осипов (1938–2020) в молодости искал себя и не раз менял позицию. Хотя в шестилетнем возрасте он стараниями бабушки прошел обряд крещения, он рос вполне советским ребенком, оплакивал смерть Сталина, воспитывался интернационалистом и был комсомольцем [Осипов 2012, 12–17]. Перелом произошел в 1957–1959 гг., когда он был студентом исторического факультета МГУ, куда поступил в 1955 г. Тогда он вступился за арестованного товарища, обвинил Хрущева в арестах за политические взгляды и был исключен из ВЛКСМ и отчислен из МГУ в феврале 1959 г. В октябре 1961 г. он был арестован по навету, осужден и на семь лет попал в Дубравлаг (Мордовия). Там в 1962–1963 гг. он вернулся к вере и стал русским националистом и православным монархистом [Осипов 2012, 43–47]. Это и восстановило его против евреев, хотя в лагере он тесно с ними общался, и они друг друга не раз

⁵ На самом деле большинство убийц вовсе не были евреями, а убийство не было «ритуальным». Об этих представлениях монархистов и их несоответствии реальности см., например: [Шнирельман 2022, 217–268].

выручали [Осипов 2012, 125–132]. Там считалось, что для выживания следует поддерживать друг друга и вместе противостоять власти. А уж другие свои чувства заключенные старались тщательно скрывать. Осипов вспоминает, что, начиная журнал «Вече», хотел в предисловии выступить против троцкизма (эвфемизм для «иудео-большевизма») [Осипов 2012, 177]. В открытую выступать против евреев было тогда чревато полным разрывом с остальным диссидентским движением и утратой поддержки с Запада [Осипов 2012, 132]⁶.

Иными словами, в советские годы Осипов обуздывал свой антисемитизм из тактических соображений. Но в конце 1980-х гг. он выступил в защиту «Памяти», вызвав упреки в шовинизме и антисемитизме [Осипов 2012, 156–157]. В постсоветское время он осмелел и стал в открытую обвинять «масонов» и «иудео-большевиков»: якобы «республика – лучшая форма правления для тайных масонских лож» [Осипов 2012, 45], якобы Россия 150 лет страдала от «космополитической масонской идеологии» и «70 лет – от иудео-большевистского интернационализма», имевшего «иудео-масонские корни» [Осипов 2012, 50, 96]. Поэтому выступление М. Горбачева против «Памяти» в 1987 г. Осипов счел преступлением [Осипов 2012, 285]. Он обвинял КГБ в филосемитизме, объясняя это «еврейской кровью» Ю. Андропова, которого называл «тайным сионистом» и «зорким часовым своего племени» [Осипов 2012, 89, 108, 149]. В 1987 г. он выступил против К. Ворошилова, припомнив ему жену – «фанатичную еврейскую большевичку», назвавшую Израиль «родиной» [Осипов 2012, 152–154]. Тогда же он поддержал Дм. Васильева, назвавшего «Протоколы сионских мудрецов» подлинным документом, и заявил, что все СМИ находятся в руках евреев [Осипов 2012, 156]. При этом он подкреплял свои взгляды ссылкой на дореволюционного шовиниста и антисемита М.О. Меншикова [Осипов 2012, 51, 347–348, 579], а также вспоминал подложное пророчество монаха Авеля о том, что якобы Россия попадет под «жидовское иго» [Осипов 2012, 177]. Он также утверждал, что отца А. Меня убили «сионисты» за то, что тот обращал евреев в христианство [Осипов 2012, 194, 328]⁷. Правда, Меня он не считал своим и осуждал за то, что тот остановился на полпути между Святым Православием и «христоненавистническим талмудизмом» [Осипов 2012, 328].

Описывая в своих воспоминаниях ход Всероссийского совещания православно-монархических сил, состоявшегося в Москве 21 сентября 1990 г., Осипов подробно цитировал выступление клирика Псковско-Печерского монастыря Георгия Федотова, детально воспроизво-

⁶ Поэтому, основываясь на его работах того периода, Дж. Данлоп с симпатией отзывался о русских православных националистах. См.: [Dunlop 1983].

⁷ См. также: [Убийца 1990].

дившего миф об Антихристе как еврее из Иерусалима, которого с нетерпением ожидают евреи, считая его «мессией». Якобы поэтому русские патриоты мешали «синагоге иудейской». При этом священник призывал к борьбе с «еврейским экуменическим фашизмом» [Осипов 2012, 205–207].

Примечательно, что именно тогда, будучи печатным органом основанного Осиповым Союза «Христианское возрождение», газета «Земщина» воспроизводила все эти наветы, что ясно говорит о той версии православного антисемитизма, которой и придерживался Осипов. Действительно, не без его участия осенью 1993 г. СХВ заявил о наступлении «предантихристовых времен» [Осипов 2012, 236–237]. С конца 1980-х гг. Осипов уже не считал нужным скрывать эти взгляды и открыто их озвучивал как на митингах, так и на конференциях, обогащая свою лексику такими терминами, как «жиды», «талмудическое жидовство», «сионократия» и пр. [Осипов 2012, 233–235]. К этому добавлялся русский национализм, который вкупе с православием будил ненависть к «иудео-большевику» из-за убийства царской семьи и гонений на православие. Ведь канонизация царя как «мученика» стала одной из главных целей православных монархистов, и они с яростью отстаивали идею о «ритуальном убийстве». Именно эти взгляды и отстаивала газета «Земщина» [Осипов 2012, 217–218, 222]⁸. Ко всему этому набору Осипов добавлял еще и конспирологию, постоянно поминая недобрым словом «мировую закулису» и рассуждая о заговоре Запада против русского народа. Иными словами, он озвучивал ту версию «еврейского заговора» и «еврейского засилья», которая сложилась в среде русских националистов в 1970–1980-х гг.⁹

О взглядах Осипова прямо говорят его симпатии к митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Иоанну, которого он считал «вождем православно-патриотического движения», «опорой и надеждой верующих» и высоко ценил за выступления в защиту «добра и правды» [Осипов 2012, 340–341]. Особенно Осипову нравились его разоблачения «талмудического иудаизма», заявления о «ритуальном убийстве» царской семьи и утверждения о том, что как бы ни относиться к «Протоколам сионских мудрецов», все шло по изложенным там планам [Осипов 2012, 343–345]. Он верил в вечную борьбу добра и зла, где на стороне добра выступал русский народ с его Святой Русью, и на стороне зла – иудеи, масоны и Запад. Причем, если в традиционном христианстве под «удерживающим» понимается сила, охраняющая весь мир от Сатаны и Антихриста, то приверженный русскому национализму и имперской идее Осипов отождествлял его с русским императором,

⁸ Подробно о ней см.: [Шнирельман 2017а, 176–185].

⁹ Ее детальное изложение см.: [Семанов 2012].

свержение которого привело к распаду империи [Осипов 2012, 563]. Так русский национализм подрывал основы эсхатологического мифа, но Осипов этого не замечал.

Таким образом, антисемитизм вызревал у Осипова постепенно. В юности он поддерживал близкие отношения с художниками-авангардистами, среди которых было немало евреев, и даже помогал устраивать их выставки. Но к концу 1960-х гг. он обнаружил у них «аморализм». А еще позднее назвал их искусство «сатанинским», поднимающим бунт против Бога [Осипов 2012, 28–29]. И уже на втором десятилетии постсоветской России он узнал из книги А. Байгушева о расколе в советской номенклатуре, где якобы «русская партия» противостояла «международной еврейской» [Осипов 2012, 54]. Чтобы избежать обвинений в антисемитизме, Осипов иногда делал оговорку, что выступает лишь против экуменизма, сионизма, космополитизма и «талмудического иудаизма», а не против всех евреев скопом [Осипов 2012, 218, 239–240]. Однако удержаться в этих узких рамках ему не удавалось, и он уличал евреев и полукровок в склонности к космополитизму и либерализму, придавая этому расовую основу: «кровь определяет мировоззрение» [Осипов 2012, 61–62]. Он также заявлял о том, что он и его единомышленники не принимают «христоненавистническую и расовую идеологию евреев» [Осипов 2012, 226]. А переход некоторых евреев в православие и их службу иереями он трактовал как нашествие, чреватое захватом церкви иудеями [Осипов 2012, 326–328]¹⁰. Когда в декабре 1994 г. А. Иванов-Сухаревский основал свою неонацистскую Народно-Национальную Партию, Осипов стал ее «старейшиной», а «Земщина» – ее печатным органом [Осипов 2012, 329]. А осенью 1995 г. он даже участвовал в парламентских выборах как кандидат от этой партии. Так, не ограничиваясь православным монархизмом, он пришел к неонацизму, куда его привели антисемитизм и конспирология.

В то же время на уровне личных отношений он вел себя благородно и гордился, что не оговаривал евреев перед следователями и даже защитил одного из них от нападок в лагере [Осипов 2012, 59, 75].

М.В. Назаров

М.В. Назаров родился в 1948 г. в г. Макеевка (Донецкая область) в семье инженеров. Его дед был белым офицером, а прадед – священником. Оба они были расстреляны большевиками в 1920 г. После окончания техникума в 1967 г. Назаров работал электромехаником на острове Диксон и полярной станции мыса Челюскин. Затем он поступил в Мо-

---

¹⁰ Также см.: [Осипов 1990].

сковский государственный педагогический институт иностранных языков и после его окончания в 1975 г. был отправлен переводчиком в Алжир, откуда нелегально эмигрировал в Германию. Там он был деятельным членом Народно-трудового союза и тесно сотрудничал с Германской епархией Русской православной церкви за границей. Но его попытки стать сотрудником Радио «Свобода» оказались тщетными. В Россию он вернулся в 1993 г., надеясь занять лидерские позиции в русском национальном движении¹¹. Его старания были вознаграждены, и уже через год он стал секретарем правления Союза писателей России. Затем он входил в руководство Российского христианского державного движения В. Аксючица, затем – Социал-патриотического движения «Держава» А.В. Руцкого, а перед думскими выборами 2003 г. создал партию «За Русь Святую», введя свои ксенофобские идеи в ее партийную программу. Однако этой партии не удалось привлечь избирателей, и она с треском провалилась на выборах.

С еврейями Назаров не поладил еще в эмиграции. Он с тревогой наблюдал за тем, как старая русская эмиграция исчезала, а новая пополнялась «нерусскими». Вращаясь в старых эмигрантских кругах в Германии, он почерпнул от них идею о том, что когда-то большевиками руководили «жидо-масоны»¹². Он понимал суть истории в свете христианского учения о конце света и, исходя из этого, стремился объяснять происходившие в мире события заговором «евреев и масонов», стремящихся установить «новый мировой порядок» для прихода «князя мира сего», т. е. антихриста [Назаров 1991б]. Правда, поначалу Назаров старался следовать традиционному представлению о «последних временах» и доказывал, что только в конце истории решится «еврейский вопрос», причем христианским способом. Якобы вначале евреи радушно встретят антихриста как своего Мессию, но затем массово обратятся в христианство [Назаров 1991в].

Тогда Назаров пытался выказать себя неангажированным искателем истины, пытавшимся установить подлинную роль масонов в истории. Он проштудировал немало научной литературы, в том числе написанной учеными-еврейями, и с удивлением обнаружил, что при всем желании тесную связь между масонами и еврейями установить невозможно. Ведь, как выяснилось, во-первых, евреев часто не принимали в масонские ложи, так как установки иудаизма разительно отличались от представлений масонов [Hoffmann 2000], во-вторых, в

¹¹ Свои амбиции он продемонстрировал рядом установочных статей, опубликованных в начале 1990-х гг. в национал-патриотической прессе. См. например: [Назаров 1990а; 1990б; 1991а].

¹² Когда-то такой подход убедительно раскритиковал Д. С. Пасманик [Пасманик 1923].

масонской среде существовало большое разнообразие, не позволяющее исследователю делать далеко идущие обобщения, в-третьих, возникшая в Нью-Йорке в 1843 г. еврейская организация «Бнай Брит» имела лишь внешнее сходство с масонской ложей, в-четвертых, «достоверных сведений о принадлежности руководящих большевиков к масонству очень мало», в-пятых, в 1920-х гг. масоны преследовались большевиками и, наконец, «никто не виноват в российской катастрофе больше нас самих» [Назаров 1991г].

Но все эти досадные факты и справедливые суждения в конечном итоге оказались Назарову не нужны. Выхватывая отдельные цитаты из работ специалистов, он доказывал, что, во-первых, у евреев и масонов имелись общие цели, позволявшие им поддерживать дружеские контакты, а во-вторых, оказывается, учитывать следует только их «активное ядро», которое якобы и участвовало в мировом процессе, осуществляя перевороты и революции. А потому теория заговора имеет веские основания, и независимо от аутентичности или поддельности «Протоколов сионских мудрецов» весь ход мировой истории, по словам Назарова, их подтверждает. Впрочем, дело даже не в пресловутых «Протоколах», а в неизбежной апостасии в преддверии Апокалипсиса. Поэтому, как заявлял Назаров, в конечном счете, ни масоны, ни евреи не виноваты, – ведь они лишь орудие в руках Божественного промысла. И осознать все это можно только в рамках христианской историософии [Назаров 1991г, 160].

Поначалу Назаров всеми силами старался придерживаться умеренных взглядов и даже критиковал русских эмигрантов за их непомерное внимание к «жидо-масонскому фактору» в истории и преувеличение роли «Протоколов сионских мудрецов» [Назаров 1994, 103–105, 137]. Тогда он пытался дать сбалансированную оценку деятельности масонов, которые, как выяснилось, были либералами, вели борьбу с большевиками и оказали бесценную поддержку русским эмигрантам [Назаров 1994, 114–122]. Но такая умеренная платформа вскоре перестала его устраивать, и во второй половине 1990-х гг. он уже выступал с позиций православной юдофобии¹³.

В.Н. Острецов

В.Н. Острецов родился в 1942 г. в Архангельске в семье военнослужащего и, по его собственным словам, рано стал «антисоветчиком»¹⁴.

¹³ Об этом детально см.: [Шнирельман 2017б]. Также см.: [Шнирельман 2017а, 436–455].

¹⁴ О его нарративе о своей молодости см.: [Острецов 1998, 1–4].

Интересуясь с юных лет историей, Острецов, по его словам, не был удовлетворен ее официальной версией, которая на его глазах постоянно пересматривалась. Будучи старшекласником, он познакомился с имевшейся в отцовской библиотеке книгой Ф. Энгельса «Военные произведения» и был поражен высокомерным отношением того к славянам, особенно к русским. Это заставило его окончательно разувериться в официальной версии истории, и он не рискнул поступать в исторический вуз (по его словам, из-за антисоветских убеждений) и в 1966 г. окончил Первый Московский медицинский институт.

Похоже, именно там он вплотную столкнулся с евреями, которые составляли большинство на «потоке» и задавали тон своим западничеством. Но в студенческие годы это его вовсе не задевало, хотя он и обнаруживал у евреев «беспринципность» и «двоемыслие», а также мечты о «сытой и богатой жизни», что, как ему казалось, было чуждо русским. Будучи пятикурсником, он встретился в Исторической библиотеке с более старшим по возрасту человеком, рассуждавшим в курилке о «жидах и масонах», о связях Ленина с германским Генштабом и переезде в plombированном вагоне и объявлявшим себя монархистом. Тогда, по словам Острецова, он мало что понял и как будто бы отнесся к этим рассуждениям скептически, хотя, похоже, «еврейский вопрос» его заинтересовал, в особенности в контексте революции 1917 г. Затем ему в руки попался кадетский журнал с разоблачительными материалами о деятельности большевиков в 1905 г. Это еще раз доказывало ему ложь официозной истории.

С тех пор он сдружился с новым знакомцем из Исторической библиотеки, который, как оказалось, работал на телевидении переводчиком с итальянского. Некоторое время они часто встречались, организовав кружок, куда приходили несколько их молодых единомышленников. Но когда руководитель кружка предложил создать организацию, всех кружковцев арестовали, а сам он на пять лет был отправлен в психбольницу. Острецов в эту компанию не попал, так как был занят сдачей экзаменов, а затем был на три года распределен в Тюменскую область, где работал врачом в отдаленном поселке Октябрьский.

Там он познакомился со ссыльными – раскулаченными крестьянами, бандеровцами, сектантами и пр. Примечательно, что там он познакомился еще с двумя врачами: одним – евреем и другим – русским. Первый, по его словам, приехал заработать (и зарабатывать на абортах), и у них сложились чисто деловые отношения, тогда как со вторым он сдружился, и они хорошо друг друга понимали. А затем случилось так, что оба новичка попались с поличным, но первому, установившему хорошие отношения с райкомом, удалось быстро выкрутиться, а за вторым, обладавшим независимым характером, долго тянулось «дело».

Вернувшись в Москву в 1969 г., Острецов проводил много времени в столичных библиотеках, читая историческую литературу, преимущественно черносотенного плана. В 1973 г. он крестился. Эпоха перестройки с ее отменой цензуры позволила ему приступить к изложению своего собственного понимания хода истории. Его первая книга «Россия на перепутье», посвященная России, начиная с эпохи Киевской Руси и вплоть до самого начала XX в. [Острецов 1990], стала в 1990-х гг. едва ли не настольным пособием для православных монархистов.

В.В. Большаков

В.В. Большаков родился в 1937 г. в Москве, его детство прошло в коммуналке на Земляном Валу¹⁵. Причем там дружно жили несколько семей, включая евреев, а врач-еврейка спасла мальчика от туберкулеза. Его родители были убежденными коммунистами, хотя отец и пострадал от ложного навета. Но верующая бабка его крестила и водила в Елоховскую церковь, причем даже у деда-большевика в комнате висели иконы. Примечательно его замечание о том, что православные не могли принять коммунизм в чистом виде, так как в его основе лежит иудаизм [Большаков 2017, 53]. Очевидна конъюнктурность этого заявления уже взрослого человека; ребенок так думать не мог. Зато его нескрываемый сталинизм [Большаков 2017, 63] вполне мог быть привит ему в детстве. Впрочем, и здесь надо помнить, что воспоминания писал взрослый человек, по ходу дела их цензурирующий. Так, он обеляет действия Сталина накануне войны и во всем обвиняет Запад и Польшу, умалчивая при этом о помощи СССР Германии и о пакте Молотова-Риббентропа [Большаков 2017, 21–30]. Позитивное отношение к Сталину он сохранил на всю жизнь, что проявляется на протяжении всей рассматриваемой книги, где он всячески избегает связывать его имя с массовыми репрессиями.

Сетуя на то, что в советское время не писали о жестоком «красном терроре», убийстве царской семьи, массовых расстрелах офицеров в Крыму, Большаков связывает это не столько с красными вообще, сколько с «евреями-чекистами» [Большаков 2017, 172–173]. Он оплакивает массовые потери русских от Гражданской войны и репрессий, умалчивая о еврейских погромах, а повествуя о разгроме церквей и монастырей, усадеб, уничтожении икон, отказывается связывать это с именем Сталина [Большаков 2017, 18–19]. Критикуя советскую партноменклатуру за страх перед народом и блокирование реформ, за тоталитарное мышление, он не упоминает о том, что это началось

¹⁵ Об этом он детально пишет в своих мемуарах [Большаков 2017].

еще при Сталине. Он прославляет быстрое восстановление страны после Великой Отечественной войны, но не пишет о голоде 1946–1947 гг. [Большаков 2017, 239–240, 243–244]¹⁶ Все это, разумеется, указывает на его тенденциозность.

Похоже, что первый опыт неприятия евреев автор получил в детстве косвенным образом: его дед был участником обороны Царицына вместе со Сталиным и с тех пор терпеть не мог Троцкого [Большаков 2017, 55, 72–73], что и передал своему внуку. Кроме того, в богатой дедовской библиотеке тот нашел известную книгу Отто Вейнингера «Пол и характер», где негры и евреи наделялись женской сущностью и были отнесены к низшим существам. Большаков прочитал это в 16-летнем возрасте, т.е. в начале 1953 г., когда закончился суд над Еврейским антифашистским комитетом и началось Дело врачей [Большаков 2017, 56–57].

Правда, он подчеркивает, что в семье никакого антисемитизма не было, и гордится своей матерью, которая в начале 1953 г. демонстративно пошла на прием к врачу-еврею, пристыдив очередь [Большаков 2017, 57]. По его словам, он никогда не был антисемитом и не считает евреев врагами России, но врагами являются сионисты, о которых он и пишет в своих книгах. Среди своих одноклассников он таких не встречал, но подчеркивает, что, по его мнению, среди их соплеменников было много «русофобов, активных сионистов и записных агентов влияния Запада» [Большаков 2017, 68]. В частности, к ним он причисляет Андрея Макаревича [Большаков 2017, 67].

По словам Большакова, в школе воспитывали патриотизм и интернационализм: лишь при вступлении в комсомол учащиеся обнаружили, что в классе большинство учеников – русские и евреи. Это произошло во время Дела врачей, когда школьники узнали, что с ними учатся евреи, жившие в элитном «Доме Чкалова». Даже любимый учитель литературы оказался евреем. Но, по словам Большакова, это не повлияло на школьную атмосферу, и в классе жили дружно [Большаков 2017, 64–65].

Правда, дальнейшие его рассуждения заставляют в этом сомневаться. Ведь Большаков не упускает возможности упрекнуть своего одноклассника В. Роговина в двурушничестве и троцкизме. И со ссылкой на О. Платонова он пускается в обсуждение его деда, известного юриста А.С. Тагера, занимавшегося в 1930-х гг. «Делом Бейлиса». По словам автора, в этом были заинтересованы «сионисты», а Тагер был еще и троцкистом, за что и был расстрелян [Большаков 2017, 68–71]. Но он хранит

¹⁶ Правда, в дальнейшем он признает, что Сталин установил режим бонапартизма, способствовавший развитию ксенофобии [Большаков 2017, 462–465]. Очевидно, все это писалось в разные годы, и со временем он забывал, о чем писал ранее.

молчание как о реальном значении дела Бейлиса и о его оправдании, так и о подложном характере «Протоколов сионских мудрецов» и их пагубной роли в истории.

Большаков пишет, что много позднее Роговин надеялся на его поддержку в деле реабилитации Троцкого. Но он отказался, ссылаясь на мнение деда и на то, что якобы Троцкого финансировал американский банкир Я. Шифф, «злейший враг России», а IV Интернационал поддерживал отношения с фашистскими Италией и Германией [Большаков 2017, 72–73]. Якобы он читал об этом во Франции, но скрывает источник своей информации.

Кроме того, Большаков убежден в том, что реабилитация Троцкого нужна тем, кто, во-первых, хочет переписать историю, сделав Троцкого вождем революции (но в действительности он и руководил Октябрем! – В.Ш.), а во-вторых, реабилитировать «ленинскую гвардию», по сути, гвардию Троцкого, за что Сталин ее и ликвидировал [Большаков 2017, 78]. А далее Большаков пускается в конспирологию. Он не сомневается в том, что Троцкий был связан с «международным сионистским капиталом и мировой закулисой» [Большаков 2017, 73]. Ссылаясь на Дм. Саймса и В. Никонова, он заявляет, что американская элита (демократы), «опирающаяся на сионистский капитал», привержена троцкизму, так как тот открывает путь к завоеванию мирового господства. Но тут же выясняется, что источником информации Большакову служит нынешний скандальный телепропагандист Вл. Соловьев, когда-то преподававший в США и бывший членом РЕКа, который проболтался и «раскрыл планы мирового сионизма» [Большаков 2017, 73–74]. Но Большаков умалчивает, что неоконны-республиканцы опираются на теоретические разработки американских неоконнов-евреев, что никак не вписывается в его умозрительную схему. В итоге он договаривается до того, что якобы ленинская гвардия замышляла передел мира в пользу мировой элиты, причем опирается в этом на псевдоисторические рассуждения Н. Старикова и аналогичных ему ангажированных публицистов. По ходу книги он постоянно раскрывает псевдонимы евреев и копается в их генеалогии, ища там «пятую колонну». Кроме того, при любом удобном случае он любит противопоставлять русских и евреев.

Большаков получил образование в Институте иностранных языков, где начал свою журналистскую карьеру в институтской многотиражке. Затем он попал в армию и служил на Камчатке офицером ГРУ, причем дружил со своим начальником евреем Ю.М. Ройзенем, которого бесконечно уважал [Большаков 2017, 124]. Там он начал работать журналистом-международником и печатался в камчатских газетах со статьями против империализма. Причем его наставниками были журналисты-евреи, например, Р. Райгорецкий, хотя Большаков отме-

чает, что позднее тот оказался космополитом, «человеком без корней» и улетел в США. Но Ройзен остался патриотом [Большаков 2017, 128–131].

В 1963 г. Большаков уволился из армии и работал в таких изданиях, как «За рубежом», «Смена», «Комсомольская правда», где занимался обличением империализма. В 1965 г. он вступил в КПСС [Большаков 2017, 155–156]. Его очерк о неофашизме в США получил одобрение, и в 1966 г. его взяли на работу в «Комсомольскую правду». По его словам, тогда там было «сильное русское ядро». Одним из его руководителей был блокадник С.В. Высоцкий, отвечавший за пропаганду и патриотическое воспитание [Большаков 2017, 190–191]. К изучению сионизма Большакова приобщил арабист А. Агарышев, написавший книгу о Насере для ЖЗЛ.

Благодаря Высоцкому и Агарышеву в «Комсомольской правде» вышли первые статьи Ю. Иванова о сионизме [Большаков 2017, 191]. Позднее Высоцкий работал у Семанова в журнале «Человек и закон», пока при Андропове их не разогнали за «русизм». Тогда многие журналисты «Комсомольской правды» состояли в «русской партии» [Большаков 2017, 193–194]. Но трудились там и либералы, работавшие на А.Н. Яковлева и затем ставшие перестройщиками. Большаков отмечает, что среди них было много евреев, хотя были и русские, причем, по его словам, их использовали Запад и Израиль для антисоветской пропаганды [Большаков 2017, 195–203]. При этом он с гордостью сообщает, что в конце 1960-х гг. «Комсомольская правда» активно участвовала в борьбе идей, причем в первых рядах была «наша патриотическая группа» [Большаков 2017, 208].

После Шестидневной войны в июне 1967 г. СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем, и Большаков с его специфическими интересами оказался востребованным. Тогда он и стал заниматься сионизмом, причем в этом ему помогали А. Агарышев, Ю. Иванов и Е. Евсеев, а также некоторые еврейские авторы (например, А. Вергелис) [Большаков 2017, 229]. Особенно он ценил дружбу с Ю. Ивановым, который поддерживал тесные контакты с компартией Израиля и Палестиной и издал тогда свою скандальную брошюру «Осторожно, сионизм!» [Иванов 1970].

В 1970 г. Большаков перешел в газету «Правда», где его наставником стал С.В. Цукасов, которого он называет «осетинским евреем». В конце 1960-х гг. он начал тесно контактировать с кружком И.В. Милованова, куда его ввел Агарышев. Милованов возглавлял сектор Ближнего Востока международного отдела ЦК, и именно там работал инструктором пресловутый Ю. Иванов, бывший, по словам Большакова, главным специалистом по сионизму, который «создал надежную теоретическую платформу для критики сионизма в открытой печати с опорой на Маркса и Ленина» [Большаков 2017, 190, 356–357]. Иванов и стал не-

формальным лидером этого кружка, куда также входили Е. Евсеев, историк А. Кузьмин, бывший физик В. Скурлатов, писатель В.Я. Бегун и философ Е. Модржинская. Вместе с Миловановым Иванов возглавил кампанию против сионизма, постоянно делая акцент на связях сионистов с нацистами, чему вслед за ним следовал и Большаков. Такую борьбу с сионизмом Большаков называл «научной», отличал от антисемитизма и подчеркивал, что она велась под контролем Политбюро, где ее курировали М. Суслов и Б. Пономарев [Большаков 2017, 363, 381]. Правда, далее, противореча себе, он называл эту антисионистскую деятельность «партизанщиной» и заявлял, что никакой уверенности в поддержке ЦК у них не было, хотя признает, что как там, так и в КГБ у них были сторонники, оказывавшие им помощь [Большаков 2017, 391].

Примечательно, что на Ближнем Востоке Большаков никогда не был, а информацию получал от палестинцев и израильских коммунистов, с которыми встречался на международных форумах в 1968–1969 гг. Ему также помогали сотрудники антисионистских центров Египта и Сирии, снабжавшие его антисионистскими материалами. Вот откуда его представления об Израиле как о «теократическом государстве», далеком от демократии [Большаков 2017, 354, 414]. Аналогичным образом он освещал события 1968 г. в Польше и Чехословакии, связывая их с заговором «сионистов», хотя эти страны он никогда детально не изучал и практически в них не был (лишь ненадолго съездил в Прагу в августе 1968 г.), получая информацию о событиях преимущественно из арабских источников, включая ливанскую газету. А во второй половине 1970-х гг. Большаков и вовсе стал невыездным, так как имел допуск к государственным тайнам [Большаков 2017, 479]. Правда, при этом он ухитрился в октябре 1978 г. съездить на несколько дней в Варшаву. До этого, кроме Праги, он побывал только в Австралии (в 1974–1976 гг.). Иными словами, в советский период своей журналистской деятельности он опирался главным образом на пропагандистские материалы [Большаков 2017, 229–231, 269, 353–354]. При этом в те годы он ухитрился опубликовать несколько книг о «сионизме, терроризме и правах человека» [Большаков 2017, 497], а в начале 1980-х гг. много писал о Польше и «подрывной деятельности сионистов» [Большаков 2017, 507–510].

Затем, живя в 1990-х гг. в Париже, он переключился на масонскую тематику и много рассуждал о «сионо-масонах» [Большаков 2017, 1007–1064]. Правда, знакомство с реальной действительностью заставило его несколько откорректировать свои взгляды. Так, лично познакомившись с руководителями Европейского еврейского конгресса, он признался: «После этого визита я бы никогда бы не поверил в образ мирового еврейского правительства, управляющего всем в мире, даже если б меня убеждал Нилус» [Большаков 2017, 1009]. Но это не подорвало его веру в «жидо-масонский заговор». В этом он послушно следовал

Нилусу и другим весьма сомнительным антимасонским источникам [Большаков 2017, 1013–1018] и продолжал печатать статьи о «масонской угрозе миру».

Правда, он постоянно подчеркивает, что выступает не против евреев, а против сионизма, который служит крупной буржуазии и противоречит интересам еврейского народа [Большаков 2017, 231]. Он верил, что в антикоммунистических центрах США и НАТО засели русофобы-политологи и завзятые сионисты, использовавшие политику в целях сионизма и мечтавшие об уничтожении советской империи, хотя и делавшие это тонкими методами под лозунгом «за улучшение социализма» [Большаков 2017, 251–253]. Поэтому он отказывается оценивать свою деятельность как антисемитскую и заявляет, что пошел на идеологический фронт добровольно из-за «холодной войны», шедшей с 1960-х гг. [Большаков 2017, 73, 249].

По сути же он связывает выступления евреев в 1970–1980-х гг. за демократию и против дискриминации, а также за свободный выезд из СССР исключительно с «сионизмом», к которому он безоговорочно причисляет и симпатии советских евреев к Израилю. Но он избегает серьезного обсуждения сущности сионизма, ограничиваясь фантазиями об «антикоммунистическом заговоре» [Большаков 2017, 254–257, 259, 350]. В итоге он отождествляет любую политическую деятельность евреев с сионизмом, причем именно с выдуманным «международным сионизмом». Он специализировался на теме «мировой закулисы» и «борьбе за мировое господство» со стороны США и «сионистов» и с гордостью писал о своих «достижениях», которые якобы никто не мог опровергнуть [Большаков 2017, 524–526, 537–538]. Причем он не скрывает, что по заданию КГБ принимал участие в преследовании Н. Щаранского, и гордится этим [Большаков 2017, 567]. Мало того, он и до сих пор уверен в том, что США хотят расчленить и уничтожить Россию, причем руководствуясь инструкциями «сионистов», и что там царит русофобия [Большаков 2017, 242–547, 600, 607, 832]. Еще раз отмечу, что в США он побывал лишь в 1984 г., проведя там 12 дней, и о планах ЦРУ знает лишь по пропагандистской литературе, причем особое внимание уделяет изданиям конспирологического характера.

Займствуя пропагандистские материалы из вторых рук и не проверяя информацию¹⁷, он иной раз допускает грубые ошибки. Например, он относит погром в Едвабне (Польша) к 1939 г. [Большаков 2017, 258], тогда как Я. Гросс описывал погромы июня-июля 1941 г. [Гросс 2002].

---

¹⁷ Он, например, дает ссылки на антисемитский портал «Института высокого коммунитаризма» [Большаков 2017, 957], а также цитирует расиста Н. Бонналя, евразийского геополитика и мигрантофоба генерала Пьера-Мари Галуа. Не брезгает он и антисемитскими сюжетами, позаимствованными из книг О. Платонова.

По словам Большакова, «в феврале 1993 г. глава КГБ Крючков сообщил Горбачеву, что Яковлев пойман на контактах с иностранной разведкой» [Большаков 2017, 621]. Но тогда и Горбачев уже не был президентом, и Крючков не был главой КГБ. Он также делает фантастическое заявление о том, что якобы при Обаме «число темнокожих превысило число белых американцев» [Большаков 2017, 957].

В то же время работников ЦК и КГБ, которые с сомнением относились к его конспирологическим построениям и не поддерживали их, он связывает с сионистами и масонами, увязывая их с «пятой колонной» [Большаков 2017, 364–368, 371], а далее он распространяет это на все еврейские организации [Большаков 2017, 373–375, 377], что, разумеется, не оставляет сомнений в особенностях его конспирологического мышления и склонности к антисемитизму. Правда, сквозь зубы он замечает, что в этой кампании были перегибы: «не всегда учитывалась обывательская реакция на критику сионизма, что вело к поношению евреев, иудаизма и Государства Израиль» [Большаков 2017, 377]. Примечательно, что и сам он, выступая в январе 2021 г. в защиту оказавшегося под судом О. Платонова, обрушился с поношениями на еврейский средневековый трактат «Шулхан Арух» [Большаков 2021], повторяя антисемитские наветы, имевшие место в 2005 г. А в Израиле он однозначно видит «расистское государство» [Большаков 2017, 377, 396]. Кроме того, подобно русским националистам, он выражал недовольство высокой долей людей еврейского происхождения в сфере советской культуры, называя это «стремлением «западников» лишить советское искусство национальных корней» [Большаков 2017, 386]. Он также не отказывает себе в удовольствии указывать на еврейское происхождение (или жену-еврейку) упоминающихся им людей – якобы это и объясняет их то или иное поведение.

Выводы

Основой моего анализа послужили книги экономиста О.А. Платонова (р. 1950), журналиста-международника В.В. Большакова (р. 1937), журналиста и праворадикального политика В.Н. Осипова (1938–2020), художника В.К. Демина (р. 1960) и врача В.Н. Острецова (р. 1942). Из них к старшему поколению можно отнести Осипова и Большакова, которые подростками застали сталинские антисемитские кампании конца 1940-х – начала 1950-х гг. Острецов в эти годы был слишком юн, чтобы это могло на нем отразиться. А Платонов и Демин воспитывались уже в постсталинскую эпоху. Многие из них имели высшее образование: Платонов окончил экономический факультет Московского кооперативного института, Большаков – Институт иностранных языков, Остре-

цов – Первый Московский медицинский институт, а Осипов учился на историческом факультете МГУ, но был отчислен по политическим причинам. А Демин прошел лишь курсы художников-декораторов на Мосфильме.

Рассмотренные деятели приходили к антисемитизму в разном возрасте, в разном социальном контексте и по разным причинам. Некоторые подхватывали это в семье, где юдофобия передавалась по наследству, причем в этом случае она порождала конфликтность и с возрастом лишь усиливалась, находя для себя все новые и новые поводы (Платонов). Другим это поначалу было чуждо, несмотря на встречавшийся в их окружении бытовой антисемитизм (Большаков, Демин). Третьи вообще не встречались с этим ни в раннем детстве, ни в школе (Осипов, Острецов). Некоторые в юности дружили с евреями или получали от них помощь и поддержку (Осипов, Демин, Большаков).

Перелом случался в молодости, когда люди встречались с несправедливостью, испытывали разочарование в идеологических штампах, вступали в конфронтацию с режимом и сталкивались с жизненными неурядицами (Острецов) или даже по политическим мотивам попадали в заключение (Осипов, Демин). К этому добавлялась связь с русскими националистическими организациями (ВООПИК, «Память» и др.), а также знакомство с православной юдофобской литературой, порождавшей благоговение перед монархией и отождествление иудаизма с сатанизмом. Такие люди верили религиозным нарративам и не интересовались реальной историей евреев (Платонов, Осипов, Демин, Острецов). Иногда, напротив, к антисемитизму вела верность государственной идеологии и ее обслуживание, но в этом случае человек отказывался считать свою позицию антисемитской (Большаков). Некоторую роль играли поведенческие расхождения, которые, по мнению этих людей, отличали русских от евреев (Платонов, Осипов, Демин, Острецов). Наконец, большое влияние оказывали старшие наставники, открывавшие молодым людям незнакомые им стороны жизни и страницы российской истории (Платонов, Острецов, Демин). Все это порождало не только традиционную юдофобию, но и конспирологические настроения, связанные с верой в «жидо-масонский заговор». Не случайно Платонов и Острецов увлеклись разоблачением зловредных замыслов масонов. Что касается Большакова, ему была ближе другая версия конспирологического антисемитизма, связанная с разоблачением губительных замыслов «международного сионизма», который он, правда, тоже увязывал с масонами.

Примечательно, что хорошие отношения и дружба с отдельными евреями не помешала некоторым из этих деятелей конструировать образ консолидированного зловредного еврейства, мечтающего о мировом господстве и порабощении, а то и о геноциде всех остальных,

и, прежде всего, разумеется, русского народа. Здесь мы имеем дело с различием частного и общего, единичного и массового. Друг-еврей мог вызывать у них симпатии и добрые чувства, но априорно сконструированный образ «опасного еврейства» заставлял видеть в нем некий уникальный феномен, исключение из правила. Его воспринимали как нечто деэтнизированное, выходящее далеко за рамки того, что расчеловечивалось и демонизировалось.

Предшествующие исследователи, которые изучали молодых ультраправых и скинхедов, имели дело с простыми участниками субкультуры, тогда как объектом моего исследования были духовные лидеры и пропагандисты. Поэтому наши выводы оказываются различными. В первом случае было установлено, что молодые люди шли в движение, желая преодолеть чувство одиночества и влиться в состав солидарной группы, способной оказать им поддержку. Идеология не играла для них большой роли. Совсем иным было настроение рассмотренных мною лидеров, обладавших развитым интеллектом и пытавшихся разобраться в сложных проблемах социального бытия, хотя и не имевших для этого необходимых навыков.

Литература

- Большаков 2017 – *Большаков В.В.* Война на идеологическом фронте: воспоминания участника. М.: Русская цивилизация, 2017.
- Большаков 2021 – *Большаков В.В.* Парадоксы Басманного правосудия // Русская народная линия. 26.01.2021. https://ruskline.ru/opp/2021/01/26/ternovyi_venec_rossii.
- Гросс 2002 – *Гросс Я.Т.* Соседи. История уничтожения еврейского местечка. М.: Текст, 2002.
- Демин 2007 – *Демин В.* Мои этапы. Документальный роман, или исповедь русского человека. [2007] // http://posledniichas.narod.ru/Demin/1-ehtap_pervyj.doc (дата обращения: 08.05.2023).
- Добренко 2020 – *Добренко Е.А.* Поздний сталинизм. Эстетика политики. Т. 2. М.: НЛО, 2020.
- Иванов 1970 – *Иванов Ю.С.* Осторожно: сионизм! Очерки по идеологии, организации и практике сионизма. М.: Политиздат, 1970.
- Литой 2021 – *Литой А.* Разочаровавшиеся нацисты: почему ультраправые теряют сторонников // Семинар «Профилактика праворадикального и религиозно мотивированного насильственного экстремизма. В поисках позитивного опыта», организованный Информационно-аналитическим центром «Сова» и Центром анализа и предотвращения конфликтов в Сахаровском центре (Москва) 3 июня 2021 г.

- Назаров 1990а – *Назаров М.* Замысел Божий о России // *Родина*. 1990. № 11. С. 8–13.
- Назаров 1990б – *Назаров М.* Вселенские корни и призвание славянских культур // *Москва*. 1990. № 8. С. 148–157.
- Назаров 1991а – *Назаров М.* Вселенские корни и призвание славянских культур // *Русский вестник*. 1991. Приложение № 5. Славянское единство. С. 2–5.
- Назаров 1991б – *Назаров М.* Спасти себя мы можем только сами // *Русский вестник*. 1991. № 17. С. 8–9.
- Назаров 1991в – *Назаров М.* О «слабости» и силе христианства // *День*. 1991. № 23. С. 5.
- Назаров 1991г – *Назаров М.* Мир, в котором оказалась эмиграция, или чего боялись правые // *Наш современник*. 1991. № 12. С. 145–160.
- Назаров 1994 – *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Изд. 2-е, доп. М.: Родник, 1994.
- Никулин 2021 – *Никулин П.* Откуда берутся нацисты: можно ли найти ответ на этот вопрос в биографиях ультраправых? // Семинар «Профилактика праворадикального и религиозно мотивированного насильственного экстремизма. В поисках позитивного опыта», организованный Информационно-аналитическим центром «Сова» и Центром анализа и предотвращения конфликтов в Сахаровском центре (Москва) 3 июня 2021 г.
- Осипов 1990 – *Осипов В.Н.* Чего боится писатель Нежный? // *Земщина*. 1990. № 16. С. 2.
- Осипов 2012 – *Осипов В.Н.* Корень нации. Записки русофила. М.: Алгоритм, 2012¹⁸.
- Острецов 1990 – *Острецов В.М.* Россия на перепутье. Историко-философские очерки. М.: Молодая гвардия, 1990.
- Острецов 1998 – *Острецов В.Н.* Масонство, культура и русская история (историко-критические очерки). М.: Штрихтон, 1998.
- Пасманик 1923 – *Пасманик Д.С.* Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Париж: Изд-во «Франко-русская печать», 1923.
- Платонов 2012 – *Платонов О.А.* Война с внутренним врагом. М.: Алгоритм, 2012.
- Семанов 2012 – *Семанов С.Н.* Русский клуб. Почему не победят евреи. М.: Алгоритм, 2012.
- Убийца 1990 – Убийца тот же // *Земщина*. 1990. № 9.
- Шнирельман 2015 – *Шнирельман В.А.* Археология и религия – вызовы постмодерна // *Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях* / Под ред. С.В. Соколовского. М.: ИЭА РАН, 2015.

---

¹⁸ Книга написана в 2006 г.

- Шнирельман 2017a – *Шнирельман В.А.* Колено Даново: эсхатология и антисемитизм в современной России. М.: ББИ, 2017.
- Шнирельман 2017б – *Шнирельман В.А.* Теория заговора и политика «последних времен»: случай Назарова // Контакты и конфликты в славянской и еврейской культурной традиции. Академическая серия. Вып. 55 / Под ред. О.В. Беловой. М.: Сэфер, Ин-т славяноведения РАН, 2017. С. 258–281.
- Шнирельман 2022 – *Шнирельман В.А.* Удерживающий. От Апокалипсиса к конспирологии. М.: Нестор-История, 2022.
- Dunlop 1983 – *Dunlop J.B.* The faces of contemporary Russian nationalism. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1983.
- Ezekiel 1995 – *Ezekiel R.S.* The racist mind: portraits of American Neo-Nazi and Klansmen. NY: Penguin Books, Viking Adult, 1995.
- Ezekiel 2002 – *Ezekiel R.S.* An Ethnographer Looks at Neo-Nazi and Klan Groups. The Racist Mind Revisited // American Behavioral Scientist. 2002. Vol. 46, no. 1. P. 51–71.
- Hoffmann 2000 – *Hoffmann S.-L.* Brothers or Strangers? Jews and Freemasons in Nineteenth Century Germany // German History. 2000. Vol. 18. Issue 2. P. 143–161.
- Pilkington, Omel'chenko, Garifzianova 2010. – *Pilkington H., Omel'chenko E., Garifzianova A.* Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives. London and NY: Routledge, 2010.

Fear or Conviction? How and Why People Become Anti-Semitic¹⁹

Victor Shnirelman

(Moscow, Russia)

PhD, Professor, Senior Researcher

Institute of Slavic Studies

Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Science

E-mail: shnirv@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8469-6583

---

¹⁹ The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No 23–28–00796 “Catalog-Index of narratives and motifs about the Holocaust (based on materials from field work, social media and the media)” <https://rscf.ru/en/project/23–28–00796/>

Abstract: How, under which environment is one shifting to xenophobia, including anti-Semitism? How could we explain this phenomenon – with a reference to family mood, to school or out-door environment, to certain literature, to mature mentors' impact, to one's search for a meaning of the reality, to a context of social communication or to a former traumatic experience?

My analysis focuses on certain social actors well known for their protensive anti-Semitic activity and extended anti-Semitic publications. All of them are intellectuals who graduated from the Universities or at least received certain University training. As a result, I argue that one has to distinguish between two sorts of personality and two ways leading to anti-Semitism. They are, first, ideological anti-Semites who arrived to this position due to their life-history and an intellectual search, and, second, anti-Semites who were indoctrinated in the family. The former were driven by the reason, and the latter were based on emotions. The biographies of the former demonstrate that they changed their mood, their attitude to religion and outer world and their political views for several times. The latter inherited anti-Semitic mood from their mature relatives – either parents, or grand-fathers and grand-mothers. In childhood they heard such sort of discussions, and observed their relatives' behavior and reactions in the specific contexts. Later on, a new information was added which they scrupulously selected and preferred those facts or interpretations which better fit their convictions.

Keywords: Jews, anti-Semitism, xenophobia, nationalism, Zionism.

DOI: 10.31168/2658-3364.2023.1-2.04

References

- Dobrenko, E.A., 2020, *Pozdnij stalinizm. Estetika politiki* [Late Stalinism. Aesthetics of politics]. T. 2. Moscow, NLO, 1000.
- Dunlop, J.B., 1983, *The faces of contemporary Russian nationalism*. Princeton, NY, Princeton Univ. Press, 376.
- Ezekiel, R.S., 1995, *The racist mind: portraits of American Neo-Nazis and Klansmen*. NY, Penguin Books, Viking Adult, 368.
- Ezekiel, R.S., 2002, An Ethnographer Looks at Neo-Nazi and Klan Groups. The Racist Mind Revisited. *American Behavioral Scientist*, 46, 1, 51–71.
- Gross, J.T., 2002, *Sosedi. Istorija unichtozhenija evrejskogo mestechka* [Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland]. Moscow, Tekst, 116.
- Hoffmann, S.-L., 2000, Brothers or Strangers? Jews and Freemasons in Nineteenth Century Germany. *German History*, 18, 2, 143–161.

- Pilkington, H., E. Omel'chenko and A. Garifzianova, 2010, *Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives*. London and NY, Routledge, 304.
- Shnirelmann, V.A., 2015, Arheologija i religija – vyzovy postmoderna [Archeology and religion -postmodern challenges]. *Innovacii v antropologii: nove napravlenija, ob'ekty i metody v rossijskih antropologičeskijh issledovanijah* [Innovations in Anthropology: New Directions, Objects and Methods in Russian Anthropological Research], ed. S.V. Sokolovsky, 82–121. Moscow, IEA RAN.
- Shnirelmann, V.A., 2017a, *Koleno Danovo: jeshatologija i antisemitizm v sovremennoj Rossii* [The Tribe of Dan: Eschatology and Anti-Semitism in Modern Russia]. Moscow, BBI, 618.
- Shnirelmann, V.A., 2017b, Teorija zagovora i politika «poslednih vremen»: sluchaj Nazarova [Conspiracy Theory and Politics of «Latter Times»: Nazarov's Case]. *Kontakty i konflikty v slavjanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii* [Contacts and Conflicts in the Slavic and Jewish Cultural Traditions], ed. O.V. Belova, 258–281. Moscow, Sefer, Institut slavjanovedenija RAN.
- Shnirelmann, V.A., 2022, *Uderzhivajushhij. Ot Apokalipsisa k konspirologii* [Retaining. From Apocalypse to Conspiracy Theory]. Moscow, Nestor-Istorija, 424.

Статья принята к печати 23.06.2023